

Афиша Париж - Европа

Веб-журнал "Европейская Афиша" N8/9 10/09/2011 www.afficha.info

«Если бы Макс мог сыграть роль моего отца, получился бы персонаж Бунина!»

Екатерина Богопольская

В театре Chaillot показали спектакль по новелле Бунина «В Париже», поставленный для Михаила Барышникова Дмитрием Крымовым. С участием актеров его московской Лаборатории, американской технической команды из Нью-Йоркского Центра Искусств Барышникова, а также двух актеров из Хельсинки, где в августе этого года и прошла премьера.

Театр, созданный Дмитрием Крымовым с актерами его Лаборатории, - явление абсолютно уникальное. Он появился на московском театральном небосклоне всего 6 лет тому назад, как незаконная комета - Крымов пришел в режиссуру из сценографии, но очень быстро его Лаборатория оказалась самым ярким, самой притягательным созвездием после отъезда из России Анатолия Васильева. Васильев, кстати, и был первым, кто разглядел в нем дар. Добавим ко всему этому, что он – сын режиссера Анатолия Эфроса и театрального критика Натальи Крымовой, и первые свои работы как сценограф создавал для спектаклей отца. То есть, если для Москвы фигура Дмитрия Крымова знаковая, в Париже его практически не знают. Зато не было, наверное, ни одного крупного парижского издания, которое не анонсировало бы спектакль с участием Барышникова. Что не удивительно, Миша, как ласково называет его французы, человек-легенда, «принц танца», «последний титан» и т.д., безмерно любим и почитаем парижанами. Но странно, в Барышникове видят здесь лишь великого танцора, или еще блистательного директора труппы, но никогда – актера. Как будто в самом деле, и не было ни успеха в голливудских фильмах, ни участия в театральных постановках на Бродвее. Отсюда, те, кто были разочарованы, увидев только актера в непафосной драматической роли, и те, кто, наоборот, были странно удивлены, открыв в нем драматического актера. О Крымове в этом контексте говорится в основном на уровне мило, талантливо, прекрасные актеры, но что Лаборатория молодого русского режиссера- экспериментатора, какое везение, попала на одну из самых престижных сцен Париже только в ауре славы Барышникова.

История, исполненная неизбежного трагизма, о встрече в Париже в середине тридцатых двух одиноких русских эмигрантов, белого генерала и молодой женщины-официантки, тоже из бывших, входит в сборник «Темные аллеи». Крымов поставил весь цикл этой зимой в Москве, оставив только эту новеллу- ее он предназначал для Барышникова. Барышников рассказывал, что они познакомились в Америке несколько лет назад, и он сразу согласился на предложение Крымова, спектакли которого к тому времени он уже видел в Нью-Йорке.

Забавно, что материал для создания образа белого генерала Барышников черпал не в воспоминаниях о русских эмигрантах, которых много встречал во времена своих первых парижских гастролей, но, как он признался в интервью газете Figaro, в фигуре своего отца, кадрового офицера советской армии. И в облике рыцаря, сыгранного любимым другом, Максом фон Сюдовым в «Седьмой Печати» Бергмана. «Если бы Макс мог сыграть роль моего отца, получился бы персонаж Бунина!».

Photo Patrick Herrera

В этом спектакле, кажется, многое совпало для Барышникова, и отголоски его собственной биографии изгнанника, и место действия новеллы-американец Барышников тоже чувствует себя немного парижанином и спешит в этот город при первой возможности, благо у него уже давно есть квартира в самом центре, на острове Saint-Louis, и ключ от ложи в Парижской Опере, куда он до сих пор приходит заниматься, и где чувствует себя дома. «С самой юности Париж всегда был моей мечтой и счастьем». И то, конечно, что он впервые, с тех пор как покинул Россию, играет на русском.

На сцену вбегает, напевая что-то легкомысленное, девушка с огромной, много больше ее самой, открыткой собора Парижской Богоматери в руках. А рядом, сбоку у авансцены, коллаж из русских фотографий-портретов первых десятилетий века. Спектакль начинается с фотографий-режиссер предлагает нам еще раз взглянуться в эти лица, молодые и старые, вместе с которыми ушла целая эпоха России. Собственно она, эта эпоха, а не Париж с туристического фото, и будет незримым фоном для героев Бунина. А зримым – опять же три увеличенные фотографии из картона, двух барышень и юнкера, на заднике сцены. Потом сразу вступительный монолог генерала, рассказывающего о том, как его жена оставила в Константинополе, и как он потом жил во Франции, тогда как по сцене проплывали огромные субтитры, превращая всю ее в открытую Книгу.

Барышников выходит на сцену со своей незаурядной судьбой, со своей аурой. Так выходят на сцену поэты, одно присутствие которых уже затягивает зрителей. И

именно здесь главное совпадение с героем Бунина, а не эмиграция, ибо невозможно сравнить трагическое одиночество в Париже послереволюционной эмиграции и обласканного славой, купающегося в любви зрителей всего мира Барышникова.

Photo Patrick Herrera

Генерал, как и полагалось по сюжету, говорил по-русски и по-французски, и крутился вращающийся круг сцены, и все действие сопровождали актеры-музыканты (в музыке, сочиненной Дм. Волковым, среди разных инструментов легко различимая мелодия чисто парижской шарманки), и во всем чувствовалось легкое дыхание. В общем, сразу узнается почерк Крымова - намеренная детскость театральной игры, нежная ирония к персонажам, нелинейный сюжет, раскрывающийся не в словах, а в художественных ассоциациях. И много замечательных придумок, которые никак не двигают сюжет, но делают его живым, наполняют воздухом. Чего стоят вторжения заводных игрушек - пушистой собаки, останавливающей дорожное движение, белой мыши, устремляющейся к мертвому телу генерала, или проезды по кругу сцены на авто - нарисованной на картоне гигантской открытке, куда герои входят с наивной преувеличенностью актеров великого немого. Вообще, ассоциаций с кино много. Например, в сцене в кинозале, когда мы вместе с бунинскими героями оказываемся перед огромным экраном, а потом долгий эпизод с Чаплиным плавно переходит в крупные планы улыбающегося Чапаева и Анки, лица которых вдруг, как в ночном кошмаре генерала, оборачиваются оскалом вампира.

На премьере спектакль встретили холодно. Дело в том, что представлен он был в рамках танцевального фестиваля « Les étés de la danse », публика здесь светская, «старорежимная», как пошутил обозреватель еженедельника *Nouvel Observateur*, и сугубо балетная. Ждали дивертисмент « под звезду », получили Крымова. «Напрасно режиссер так старается представить нам для него достойную оправу, как для неограненного камня, - написала критик из газеты *Le Monde*.- Барышников в этом не нуждается. Мы не могли отделить актера от ауры воспоминаний о тех великих моментах, что он когда-то подарил нам ». (Правда, потом опомнились, в вышедших в последующие дни рецензиях многие все-таки оценили и умение режиссера работать с

актерами, и его фантазию, как рецензент *Le Point*, сравнивший « поэтичный, тонкий и трогательно смешной стиль» спектакля с фильмами Чаплина).

Так что публика в основном пришла смотреть на танцора, который заговорит, рискнувшего на сомнительный эксперимент с театром слова, даже если до этого в интервью тот предупреждал, что здесь театр визуальный, где мало текста, и что он бы за настоящую многословную пьесу, Шекспира например, братья не стал, понимая свой предел.

К удивлению, Миша оказался еще и драматическим актером. Его статья классического танцовщика, подошедшая к выправке профессионального военного, его личная аура, совпавшая с аурой бунинского героя, и наконец, очень выразительные отношения с пространством, оказались близки стилистике Крымова. Весь рисунок роли выстроен как скрытая хореография в пространстве. Достигающая своего апогея в сцене перед свиданием. Здесь две зарифмованные сцены, Ольги и генерала. Под протяжную русскую песню, «Ах, Ванька», которая исполняется *a-capella*, Барышников медленно бреется и облачается в выходной костюм, но делает это так, что каждое, даже бытовое движение наполнено такой энергией, что оказывается как бы предчувствием танца, в котором выражен весь характер, и вся внутренняя, непоказная страсть героя.

Photo Patrick Herrera

А у Ольги - Анны Синякиной все то же происходит под милое щебетанье из «Кармен», «Любовь, любовь», арии которой выводит, агрессивно наступая, внушительных размеров оперная дива. Щебетанье под стать и милая возня с дешевым платьем, которое героиня и так, и этак, забавно пытается приспособить под вечернее, чтобы в конце выскочить в одном игривом нижнем белье, прелестная в своей наивности.

Анна Синякина- чудесная актриса, но эти ее преувеличенно наивные игры в барышню в парижском контексте сильно напоминают о гризетке, и так мало вяжутся с трагической судьбой героини Бунина, которая хоть и молода, но уж никак не дитя, а женщина, слишком много пережившая, и потому настоящую цену мгновению счастья знающая. Того самого, которое в спектакле оборачивается парением

шагаловских любовников, вернее парит, то бишь летает над сценой только она, а он безнадежно, пытается ее поймать, и в тот момент, когда ему это удастся, и они замирают в поцелуе, над сценой проступает бунинский текст про смерть генерала. Почему момент смерти совпадает у Крымова с ночью любви, это понятно, это очень бунинская тема, любовь как предчувствие смерти и вечности. Тут бы и закончить.

Но, в конечном счете, публика ждала чистого танца. И дождалась. Все-таки Мише подарили соло, да еще от Ратманского - смерть генерала приравнивали к смерти тореадора во время корриды, причем роль мулеты сыграла генеральская шинель с кровавым подбоем. Он исполнил все с грацией, все-таки великий танцовщик, но только, к чему? Почему эту смерть, такую непафосную, как все у автора «Темных аллей», свести к пафосному выходу торео на арену?

И ведь заметим, трагедия героев происходит в Париже в эпоху, которую принято называть «прекрасной», *belle époque*. А они маются. Здесь и боль, и почти мистическая любовь к потерянной России, все то, что делает лирическую прозу Бунина бытийной. Здесь отпадение от родины равнозначно отпадению от жизни, бытовая неустроенность только сколок изгойства русского человека, поднятого до библейского контекста: я вернусь, когда ангел отвалит камень от гроба ее (то есть России- Ек.Б.), как, если помните, говорил сам Бунин в речи «Миссия русской эмиграции».

Вот этого измерения нет в милом, интересно придуманном спектакле Дмитрия Крымова. Возможно, многое теряется из-за зала - играть камерную историю в огромном пространстве театра Chailot невысказано, накал эмоции, соучастие, все здесь другое. И вот еще одна нота для понимания трагедии русской эмиграции - все газеты писали о новелле, ну вот, хоть автор и Нобелевский лауреат, но вещица, так, пустячок, не более, не стоящая того, чтобы ее растягивать на полтора часа спектакля. «Из-за незначительности литературной первоосновы весь спектакль теряет значительность» (*Nouvel Observateur*).

Кстати, на сам собой напрашивавшийся вопрос – почему спектакль, поставленный с московским театром, будут играть везде, кроме Москвы, Барышников ответил корреспонденту *Figaro*, процитировав Бунина, «отчего возвращаться в город, где на центральной площади холодильник с двумя мерзкими трупами? - А потом добавил: «Так же отвечал и мой друг Иосиф Бродский, «уберите это из мавзолея, и тогда посмотрим». Я хоть и не Нобелевский лауреат, как они, но разделяю мнение моих соотечественников».